

УДК 39(470:621):[1:316.7]

ББК 63.521(=602)

А 95

Е.А. Ахохова,

кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии Северо-Кавказского государственного института искусств, г. Нальчик, тел.: +79386939259, e-mail: akhokhova-elena@rambler.ru

З.М. Катанчиев,

аспирант кафедры культурологии Северо-Кавказского государственного института искусств, г. Нальчик, тел.: +79034252483, e-mail: katanchiev28@mail.ru

ГЕНДЕРНЫЙ КОНФЛИКТ В МИФОЛОГИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АДЫГСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ)

(Рецензирована)

Аннотация. Статья посвящена анализу гендерного конфликта в мифологическом сознании на примере адыгской традиционной культуры. Авторами данной статьи рассматривается концепция о бинарной оппозиции в адыгском пантеоне по гендерному признаку, где боги «Тхьэ» и «Псэтхьэ» – мужское и женское начало мира и жизни, что сакрализовывало социорольевой паритет, характерный для адыгского менталитета доисламского периода.

Ключевые слова: гендерный конфликт, адыгская мифология, традиционная культура, мифологическое сознание, «Тхьэ», «Псэтхьэ», социальные роли, бинарная оппозиция, религиозное сознание, ритуал.

Е.А. Akhokhova,

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Cultural Science of the North Caucasus State Institute of Arts, Nalchik, ph.: +79386939259, e-mail: akhokhova-elena@rambler.ru

Z.M. Katanchiev,

Post-graduate student of the Department of Cultural Science of the North Caucasus State Institute of Arts, Nalchik, ph.: +79034252483, e-mail: katanchiev28@mail.ru

GENDER CONFLICT IN MYTHOLOGICAL CONSCIOUSNESS (FROM MATERIAL OF THE ADYGHE TRADITIONAL CULTURE)

Abstract. An analysis is made of the gender conflict in mythological consciousness using an example of the Adyghe traditional culture. The authors of this paper examine the concept about binary opposition in the Adyghe pantheon by gender distinction where gods of “Tkhye” and “Psetkhye” are machismo and feminine of the world and life that sacralized the sociorole parity characteristic of the Adyghe mentality in the pre-Islamic period.

Keywords: gender conflict, Adyghe mythology, traditional culture, mythological consciousness, “Tkhye”, “Psetkhye”, social roles, binary opposition, religious consciousness, ritual.

В современных условиях общество испытывает потребность в переосмыслении того богатого наследия, которое предлагается нам религией. В последние годы стало возможно, отбросив идеологические путы, более непредвзято взглянуть на вклад религии в процесс формирования национального менталитета и культуры. Тщательное изучение всех особенностей национальной и этнической жизни, учет всех слагающих этнической психологии становятся совершенно необходимым условием поиска путей развития социума. «Анализ религиозного сознания как альтернативной формы отражения и познания действительности является одним из способов успешного изучения этого процесса, ибо в религии, как в фокусе, отражаются исторические, этнопсихологические, этнокультурные и другие явления. Многие социокультурные процессы в жизни народа становятся понятными только в контексте эволюции религиозного сознания конкретного народа» [1; 51]. Историческая судьба народа, взаимодействие его религиозного сознания со светскими компонентами его духовной и материальной культуры неизбежно приводят к эволюции его религиозного сознания. В целом механизм трансформации конкретной религии аналогичен механизму новообразования других идеологических структур, проявляя такие феномены как преемственность, традиции, ассимиляция, приспособление, модернизация.

Исследователи, работавшие в разное время в различных районах Черкесии (страны адыгов), собрали обширный материал по мифологии. Сопоставление и сравнительный анализ этих данных обнаруживает

наличие принципиальной социальной общности. Перед нами вырисовываются контуры системы, которая реализуется во множестве локальных вариантов, наподобие языка, реализующегося во множестве диалектов.

В исторический период, особенно в связи с ранним приобщением к монотеизму, происходит определенная демифологизация архаического пласта. Происходит функциональное и семантическое сращение мифологии с монотеизмом и одновременное растворение нововведений в ритуалах, обрядах, языке и фольклоре, т.е. складывается система отношений, которая функционирует столь сложно и своеобразно, что наблюдателю трудно расчлнить это на первоисточники. Наконец, мифологическое сознание дает знать о себе в повседневном, обыденном поведении людей и в их практической деятельности, в восприятии или различного рода воздействии со стороны, в оценке событий. Есть существенное различие между вербальными формами и формами ритуально-предметного воспроизведения мифа: в то время как повествовательный миф обращен, как правило, к далекому прошлому и по-своему воспроизводит эпизоды воображаемой или реальной истории, миф, воссоздаваемый в ритуальных формах, переносит актантов из прошлого в сегодня практически без изменений. Как, например, разного рода ритуалы, связанные с культом предков, с верой в существование духов. Адыгская мифология обобщила тысячелетний опыт жизни адыгов. Зародившись в недрах общинно-родовой формации эпохи ранней бронзы, она отразила не только свою первичную социально-экономическую основу, но и последующие культурные эпохи в истории народа.

В целом адыгская мифология получила фиксацию в период радикальной системной трансформации общественного сознания, уклада и

образа жизни – в период перехода от матриархата к патриархальному укладу. Культура и, в том числе, религия не могли оставаться в стороне от общей тенденции в развитии социума. Гендерный конфликт отражен в адыгской мифологии, хотя и не в такой прямолинейной и очевидной форме как, допустим, в древнегреческой, тем не менее, результаты изменений просматриваются и в организации общественной жизни, и в мифологии, и в многочисленных семиотических элементах традиционной культуры. Если отражение гендерного конфликта в древнегреческой мифологии носит характер нередких противодействий Геры воли и поступкам вседержителя Зевса, то в адыгской мифологии конфликт более изощренный и закамуфлированный. В частности, в науке нет однозначного мнения относительно гендерной принадлежности некоторых богов традиционного общеадыгского пантеона – Псатха и Мазитха.

В адыгейской мифологии (более архаичной по сравнению с кабардинской) Мазитха – женское божество, покровительствующее лесу и его обитателям. Это адыгская Артемида. В кабардинской культуре Мазитха является мужским божеством, имеющим антропоморфный облик – рыжеволосый богатырь, восседающий верхом на золотощетинном вепре. Как известно, в любом патриархальном обществе охота является мужским занятием, и покровителем леса и дичи в обыденном сознании может быть только мужское божество. Адыги сакрализовывали охоту как сугубо мужское занятие, держали в тайне от женщин время выхода на охоту и сам выход, придумали специальный искусственный язык, который так и называется «язык охотников» (каб.-черк. «*щIэкIуобзэ*»). Женщин не посвящали в тайнства охоты и охотничьего языка.

Преодоление очевидных противоречий возможно только на основе

комплексного использования источников, которыми в настоящее время оперируют представители разных дисциплин, диахронического изучения эволюции религиозных верований, рассмотрения религиозных представлений и культов в тесной связи с другими социальными институтами адыгского общества, при учете той политической обстановки, в которой это развитие происходило. Изучение данного феномена осложняется исключительной многослойностью и «гетерогенностью» [1; 52] религиозных верований адыгов, как доисламского периода, так и более поздних временных пластов, а также длительной и драматической историей, в результате которой в религиозной системе народа происходили многообразные количественные и качественные изменения, обусловленные как внутренними, так и внешними причинами.

Неоднократное и протяженное во времени проникновение монотеизма (иудаизма, христианства, ислама, а сейчас многочисленных «новых» религий) не прошло бесследно. Многие его элементы органично и неорганично вплелись в верования, культы, обряды и язык этноса. Культурные контакты с Ближним Востоком, Малой Азией, Древним Египтом, Грецией наложили свой отпечаток на религиозное мировоззрение адыгов, мифологический пантеон, героический эпос «Нарты», которые в ходе этих контактов пополнялись и претерпевали трансформацию. Уже несколько тысячелетий Кавказ является «ареной синкретизации» – явление, которое продолжается по сей день. Во все периоды истории религиозные представления развивались в процессе взаимосвязи народов с родственными и неродственными образованиями, отсюда и гетерогенность религиозных представлений, сложность культовых традиций и обрядов, уходящая корнями в архаические пласты.

В том виде, в каком сегодня зафиксирована адыгская мифология, космогонические мифы занимают весьма скромное место. Важнейшие космогонические представления адыгов приходится реконструировать по различным фрагментам, мотивам, разбросанным в различных жанрах фольклора, ритуалах и детских играх.

Псатха – второй по значимости космогонический бог адыгского пантеона. В одном из мифов сообщается, что Тха восседает на одной вершине двуглавого Ошхамахо-Эльбруса (дословный перевод с кабардино-черкесского языка – гора счастья), а Псатха – на второй. Это безусловное свидетельство того значения, которое древние адыги придавали Псатхе, богу души (каб. «Псэ» – душа, жизнь). Кабардинский исследователь Ш. Ногмов считал Тха и Псатха одним богом. Некоторые видят в его происхождении солярный культ, который впоследствии трансформировался в великого бога жизни и души.

В целом, адыгские языческие представления о душе можно схематично свести к следующему:

- высшие силы (раннее Псатха, позже Тха) наделяют человека душой;

- имеется некая семиуровневая область «хьэрш» в недостижимости физическим путем, где все души пребывают до рождения и после смерти;

- душа бессмертна;

- душа – невидимая и летучая субстанция;

- душа постоянно реинкарнируется;

- местопребывание души в физическом теле человека неопределенно (шея, волосы, грудная клетка, голова);

- во время сна душа временно покидает тело;

- душа – это самое дорогое, что есть у человека: каб. «си псэм хуэду узольагъу» – люблю тебя как свою душу. Оскорбление души считалось тяжким грехом;

- душа умершего либо сама, либо с помощью ангела возносится в «хьэрш».

Посмертная жизнь души имеет четыре варианта, в зависимости от земных заслуг:

- вознаграждается отдыхом в сферах, главной характеристикой которых является свет (каб. «хьэдырыхэ нэхьу» – светлый загробный мир);

- воплощается в другого человека (хорошего или плохого, в зависимости от прошлых заслуг);

- воплощается в животное (красивое или уродливое, в зависимости от прошлых заслуг);

- опускается в подземный мир.

Подземный мир – место страданий и постоянной борьбы с демонами и чудовищами. Естественно, что в мир теней попадают провинившиеся души, хотя иногда в подземелье спускаются герои мифов и эпоса для борьбы со злом. В загробном мире – семь уровней (иногда девять).

В этой схеме заметна явная доминанта мифологем, хорошо сохранившихся в восточных религиях: реинкарнация, отделение души от тела во время сна, наличие некой блаженной страны «хьэрш». Сравним со «Страной Сна» маздеистов: «Она [блаженная страна] остается доступной для людей и сейчас, но только не все обладают достаточной душевной чистотой, чтобы помнить о своих посещениях этой страны – изредка во время особого, благодатного сна спящие видят в сновидении эту страну, освещенную голубым светом. Во время подобного сновидения душа сразу узнает свою настоящую родину... При пробуждении мы ничего не помним, люди бывают в голубой стране чаще, чем думают, и может быть, большая часть нашей жизни во сне протекает там...» [2]. В целом влияние зороастризма (маздеизма) на религиозное сознание адыгов было существенным, как на уровне веры, так и на уровне ритуала. До

недавнего времени сохранялся маздеистский ритуал – «приход нового огня» с четко выраженным зороастрийским содержанием [3]. Похороны убитого молнией и вся обрядность, связанная с этим, также имели зороастрийскую основу.

В предопределенности посмертной судьбы души адыгских представлений можно также слышать отголоски кармической предопределенности восточных религий. Если говорить о выше упомянутом представлении адыгов и о том, что душа – это эфир, то стоит заметить, что в адыгских языках сохранились устойчивые выражения вроде «и псэр хьэршым хэлъэтац» (его душа улетучилась в «хьэрш»), «и псэр хьэршым хыхъэжац» (его душа в небеса вернулась). По этим выражениям можно заключить, что душа есть нечто легкое, летучее, невидимое.

В мифологии адыгов также говорится и о некоторых видах «испытания души» – под землей. Нередко герои Нартского эпоса попадают в подземный мир, где сражаются с различными представителями темных сил, чудовищами и благополучно возвращаются в мир людей. В одной из сказок «Сафил и Мылигу» рассказывается о похождениях Сафила по подземному миру в поисках души одноглазого великана. Никаким оружием нельзя было победить его, но Сафил узнает, что душа великана находится «в трех мухах, которые находятся в сундуке, который, в свою очередь, захоронен под огромными глыбами скальных камней, и, таким образом, побеждает его».

Очень большое значение для загробной жизни души имеет поведение родственников умершего. По представлениям адыгов, бытующим и в наше время, чем чаще родственники вспоминают умершего, чем чаще устраивают поминки, тем приятнее существование души на том свете. Аналогичное представление бытовало у многих

народов, начиная с шумеров, которые представляли себе загробный мир довольно мрачным и тягостным для большинства умерших, кроме воинов, погибших в бою, многодетных матерей, а также тех, по ком были справлены поминки. По многочисленным этнографическим свидетельствам прошлых веков известно, что адыги устраивали пышные тризны и скромные похороны, сопровождаемые сложными ритуалами. Особенно интересен был обряд похорон убитого молнией: «... гроб (убитого молнией) вешают на высокое дерево (или специально построенный для этого помост). После приходят сюда, принося с собою кушанья, напитки и начинают плясать и веселиться, режут быков и баранов и раздают большую часть бедным. Это они делают в течение трех дней и повторяют то же самое каждый год, ...воображая, что человек, пораженный молнией, должен быть святой». Вознесение адыгами трупов на деревья и сооружение столба Псатхи символизировало приближение его души к верховному божеству, местонахождением которого всегда считалось небо [3].

Этот обряд очень напоминает похоронный обряд маздеистов, где труп считался нечистым и никоим образом не должен был соприкасаться с чистыми стихиями – землей, водой и, особенно, огнем. Конечно, в деталях есть расхождения, но общая символика была тождественна.

Почему же такого обряда адыги устраивали не всех покойников, а только погибших от удара молнией? Не говорит ли этот факт о том, что адыги были знакомы с учением о карме? Ведь карма, этот неумолимый закон причинно-следственной связи, согласно всем восточным религиям может быть уничтожен только огнем, тем более «небесным огнем». По всей вероятности, так и было. Иначе невозможно объяснить такое исключительное отношение к убитым молнией (это касалось

не только людей, но и животных). Очевидно, адыги считали, что такая смерть сжигает плохую карму, и душа, очищенная от кармического груза, освобожденная от необходимости нового воплощения, попадает в разряд чистых и возвышенных духов и становится посредником между богами и людьми. В возможности такого понимания нас убеждает и следующий факт – подобные церемонии сопровождались не только обильными жертвоприношениями (что обычно и сегодня), но и обрядовыми песнями и танцами, а также всеобщим весельем и радостью. Случалось, что родственники поздравляли друг друга с особенной честью, которую даровало им небо, ибо их убитый молнией родственник становился святым (каб.-черк. «кодэс») и отныне выступал в качестве посредника между небесами и людьми.

«По понятиям адыгов душа не имеет материальных очертаний (она эфир). Представления о ней довольно отвлечены и в то же время крайне разнообразны. Душа, или дух, может воплощаться не только в человеке, но и в неодушевленных предметах, например, в дереве или скале» [4; 43]. «Гиппократ помещает душу в мозг, Демокрит и Аристотель – во всем теле, Эпикур – в желудок» [5; 476-477]. Местонахождение души адыги обозначают по-разному. Одни говорят, что она находится в сердце и в крови. Другие (их большинство) утверждают, что душа располагается в горле. Третьи местом обитания души считают голову. Один из сказителей объясняет: «За свою (долгую) жизнь встречался я с этим делом много раз, и на похоронных молитвах затевали разговоры, но не встретил того, кто дал ответ». Один мудрый человек сказал: «Искать место обитания души (в теле человека) равносильно тому, чтобы искать, где в молоке находится масло». Были среди опрошенных и такие, которые указывали на запястья рук и ноги.

Связано это было с тем, что по некоторым представлениям душа покидает тело через ноги, так как первыми из органов холодеют ноги. Еще говорили, что душа покидает тело через мозжечок. Но большинство склонны предполагать, что тело человека она покидает через макушку головы.

Надо отметить, что культ предков и вера в загробную жизнь оказались очень живучими среди адыгов, и никакие гонения официальных властей на религиозные пережитки и поминальные ритуалы не смогли сильно изменить их.

И сейчас основная смысловая нагрузка похоронных и поминальных обрядов – это облегчение посмертного пути для души, создание для нее максимально комфортного состояния в том мире, куда она ушла. И сейчас, как в прошлые времена, адыги верят, что души умерших ждут знаков внимания от своих близких.

Возвращаясь к богу души, надо отметить, что его архаическая мифология и атрибутика почти не сохранились. Этнографический материал об адыгах сохранил сведения, что Псатха обладал(а) календарным циклом празднеств, сопровождаемых ритуалами, играми и танцами, жертвоприношением белых коз. Описание идола Псатхи отсутствует.

Все исследователи данной проблемы, находясь в плену патриархального сознания, считали, что Псатха являлся мужским божеством, а в какой-то исторический период произошла трансформация его образа, и он стал восприниматься как женское божество и стал упоминаться, чаще всего, когда речь шла о детях, болезнях и некоторых аспектах семейных отношений. Сейчас в народном бытовом сознании адыгов «псатха» – это всего лишь почтительный эпитет для наименования золовки. По мнению исследователей, Псатха стал женским божеством благодаря

влиянию древнегреческой культуры в античный период: «Каким же образом второй по значению и могуществу бог, способный усмирять стихию, дающий душу всему живому, трансформировался в столь рядовое понятие? Здесь, очевидно, будет бесполезно вспомнить древнегреческую богиню Психею (гр. «psyche» – душа, дыхание). Она являлась олицетворением души, дыхания. Древние греки представляли ее летающей и своим полетом вызывающей вихревые потоки. Поэтому они часто изображали ее в виде бабочки или птицы. В случае с Психеей и Псатхой наблюдается безусловное совпадение как звукового состава теонимов, так и их понятийной стороны. Но функции древнегреческой Психеи несравненно скромнее, нежели функции древне-адыгского Псатхи. Возможно, что в процессе длительного культурного контакта греков и адыгов в античные времена и произошла контаминация этих двух образов, что в итоге привело к упрощению древне-адыгского Псатхи через стадию женской богини (покровительницы женщин и детей) до житейского понятия, эвфемизма слова «золовка» [1].

Однако сегодня представляется более логичным предположить, что Псатха всегда (и в мифо-эпические времена также) была женской богиней, что было бережно сохранено в народной памяти, отсюда и специфически женский набор функций. Таким образом, сохранялась бинарная оппозиция по гендерному признаку – мужское и женское начало мира и жизни, что сакрализовывало социорольевый паритет, характерный для адыгского менталитета доисламского периода. То, что исследователи XX века принимали

ее за мужское божество, было результатом проекции общепринятого стереотипа патриархальных общественных отношений на древний пласт собственной культуры. К слову сказать, в адыгских диалектах отсутствует категория грамматического рода, поэтому делать гендерные выводы исходя из текстов невозможно, а мифология Псатхи, которая могла бы помочь, была утрачена в исламские времена.

Вернувшись к причинам, вызвавшим трансформацию образа Псатхи, необходимо посмотреть на эту проблему и с другой стороны. По хронологии этот процесс совпал с периодом внедрения христианства среди адыгов (с IV-VI веков). Следовательно, адыги столкнулись с необходимостью ревизии своего пантеона. Тха, как глава пантеона и создатель, не мог быть отвергнут, поэтому он был лишь немного переосмыслен. Что касается богов – покровителей хозяйственной деятельности, то они и не были богами в полном смысле этого слова. Иное дело с богом души.

Что касается Псатхи, то ей – как равной Тха (великому Создателю и Вседержителю) – пришлось перераспределять свои функции: главные функции, связанные с душой и ее существованием как на земле, так и в посмертном существовании, пришлось «отдать» Создателю. Отсюда и разногласия относительно того, кто наделяет людей Душой – Тха или Псатха (см. выше). Очевидно, здесь зафиксирован тот самый исторический срез, когда облик богини души был уже в состоянии трансформации. Затем, в период, когда монотеизм был в значительной степени внедрен в сознание адыгов, Псатха была окончательно переосмыслена и низведена до бытового уровня.

Примечания:

1. Ахохова Е.А., Катанчиев З.М. Мифологема души в адыгской традиционной культуре // Культура. Искусство. Образование: материалы IV Междунар. науч.-теор. конф. Кн. 2. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (ООО Полиграфсервис и Т), 2013. С. 50-60.

2. Терапиано Ю. Маздеизм. Современные последователи Зороастра. М., 1993.
3. Шортанов А.Т. Адыгская мифология. Нальчик, 1982.
4. Таурыхъхэмрэ хъыбархэмрэ / зхэзылгъхэр Л. Блэнауэ. Налшык, 1970. С. 39.
5. Бойс М. Зороастризм. М., 1983.

References:

1. Akhokhova E.A., Katanchiev Z.M. Mythologem of the soul in Adyghe traditional culture // Culture. Art. Education: Proceedings of the IV International scientific and theoretical conference. Bk. 2. – Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarov (LLC Poligrafservis and T), 2013. P. 50-60.
2. Terapiano Yu. Mazdaism. Modern followers of Zoroaster. M. 1993.
3. Shortanov A.T. Adyghe mythology. Nalchik, 1982.
4. Таурыхъхэмрэ хъыбархэмрэ. Зэхэзылгъхэр Блэнауэ Л. Налшык, 1970. С. 39.
5. Boyce M. Zoroastrianism. M. 1983.